

DOI: 10.15372/HSS20200211
УДК 342.843(571)"1919"

Д.Л. ШЕРЕМЕТЬЕВА

ГОРОДСКИЕ ВЫБОРЫ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ А.В. КОЛЧАКА

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8,

Впервые в историографии на основе широкого круга источников установлены хронология, масштаб и содержание электоральных процессов на территории Сибири, подконтрольной антибольшевистскому Российскому правительству А.В. Колчака. Описаны организация, ход и итоги выборов, прошедших весной – осенью 1919 г. и охвативших подавляющее большинство городов края. В результате сделан вывод, что несмотря на условия гражданской войны и военной диктатуры, на муниципальном уровне были реализованы всеобщие, равные, тайные, прямые, конкурентные выборы на основе системы одобрительного голосования по многомандатным округам. Эти выборы обеспечили волеизъявление горожан и смену состава органов самоуправления. Однако успех продуманной электоральной политики был обесценен запоздалостью ее реализации.

Ключевые слова: выборы, избирательное право, городские думы, домовладельцы, абсентеизм, гражданская война, Сибирь.

D.L. SHEREMETYEVA

CITY ELECTIONS UNDER THE CONDITIONS OF THE MILITARY DICTATORSHIP OF A.V. KOLCHAK

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The study objective is to assess the experience of municipal elections within the frame of the authoritarian political regime in Siberia during the Civil War. To achieve this goal the following tasks were solved: to establish the chronology and scale of electoral processes in the anti-Bolshevik camp, to analyze the organization, progress and results of municipal elections. The research source base includes the records of urban councils, documents of the Ministry of Internal Affairs municipal department of the Russian government, and periodicals. There are gaps and discrepancies in numerous sources, and data on elections in different cities are fragmentary. However, a comprehensive approach to the study elections allows us to get closer to understanding electoral processes. The research results reveal that the municipal election campaign in Siberia lasted from early February to mid November in 1919. In other words, the election process was launched during the success of the anti-Bolshevik authoritarian political regime and lasted until its transition to the terminal stage, when the front of the struggle against the Red Army began to collapse. During this period, elections were held in 47 regional cities covering the vast majority of administrative centers of provinces (guberniya), regions (oblast) and counties (uyezd). The deep-rooted urban population of Siberia took an active part in the elections, but mobilized soldiers and officers, refugees and seasonal workers were not permitted voting. The voters turnout at the election amounted approximately 17.0 %. This level was considered low, but sufficient for the election to be recognized as valid. According to the vote results, non-political groups and organizations gained an advantage in the municipal Dumas. Despite the conditions of the Civil War and military dictatorship, the elections were general, equal, secret, direct, competitive ones at the municipal level based on a system of approval voting in multi-mandate districts. These elections ensured the will of citizens and changes of the self-government bodies composition. However, the success of a well-thought-out electoral policy was devalued by its late implementation.

Key words: elections, suffrage, municipal councils, homeowners, absenteeism, Civil War, Siberia.

ВВЕДЕНИЕ

Российское правительство А.В. Колчака 27 декабря 1918 г. постановило: «Городским управлениям

немедленно приступить к составлению избирательных списков и произвести выборы гласных городских дум» [1, с. 154]. Решение принималось во вре-

Дарья Леонидовна Шереметьева – канд. ист. наук, младший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: dalas83@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2304-276X>.

Darya L. Sheremetyeva – Candidate of Historical Science, Junior Researcher, Institute of History SB RAS.

мья успехов на фронте, и власти казалось возможным и даже выгодным инициировать выборы в городах, считавшихся опорой режима. Предполагалось, что голосование обеспечит более квалифицированный и менее политизированный состав органов местного самоуправления. Кроме того, выборы доказывали приверженность Российского правительства демократическим ценностям, что позволяло укрепить его позиции на российской политической арене и в международных отношениях.

Значимый для современников событий электоральный процесс, охвативший весь восток России, оказался на периферии внимания исследователей. В советской историографии тема выборов в антибольшевистском лагере ограничивалась утверждениями о «почти полном абсентеизме населения» и «победе буржуазно-кадетских элементов» [2, с. 199]. На современном этапе изучения гражданской войны выборы рассматриваются в контексте истории политических движений и органов местного самоуправления [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. Предметно описана только «пестрая картина» выборов в Енисейской губернии, где победили «правые силы» из-за «недовольства или безразличия населения к происходившим событиям» [10, 11].

В целом научная разработка темы находится на начальной стадии, требуется решение таких базовых задач, как установление хронологии и масштаба электоральных процессов, анализ организации, хода и итогов голосования в городах Тобольской, Алтайской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, Семипалатинской, Акмолинской, Забайкальской и Якутской областей – так называемого heartland Российского правительства.

Источниковая база исследования включает дело-производство городских управ, документы городского отдела МВД Российского правительства и периодическую печать. В многочисленных источниках имеются пробелы и разночтения, данные о выборах в разных городах сохранились фрагментарно. Однако комплексный подход к изучению выборов позволяет приблизиться к пониманию электоральных процессов.

ПОДГОТОВКА ГОРОДСКИХ ВЫБОРОВ

Правила для производства выборов гласных городских дум, утвержденные Советом министров Российского правительства 27 декабря 1918 г., содержали нормы всеобщих, равных, тайных, прямых и конкурентных выборов. По сравнению с правилами 1917 г. вместо пропорциональной системы устанавливалось одобрительное голосование по многомандатным округам и ограничивалось избирательное право. Самыми значимыми нововведениями реформы избирательной системы были голосование за любых кандидатов из «открытых списков», применение принципа большинства при подсчете голосов, исключение из электората военных и введение годичного ценза оседлости¹. Эти

изменения были призваны обеспечить победу идеологически умеренных кандидатов.

Новации должны были вступить в силу 1 января 1919 г., когда формально заканчивался срок полномочий большинства действовавших городских дум. Однако из-за декабрьского антиправительственного восстания в Омске и тяжелой болезни Верховного правителя дело затянулось. Документы, положившие начало электоральной кампании, были обнародованы только в феврале, а доведены до сведения всех городских управ к апрелю.

На распоряжение правительства о проведении выборов городские управы отреагировали по-разному. Безотлагательно приступили к их организации в Зиме, Ишиме, Киренске, Славгороде, Верхоленске, Илимске, Таре, Балаганске, Кургане, Шадринске, Верхнеудинске, Иркутске, Ялуторовске, Боготоле, Баргузине, Бодайбо, Камне, Канске, Нерчинске Нижнеудинске, Петропавловске, Тюмени, Чите и Нарыме.

Откладывали выборы, но все-таки назначили их на летние месяцы в Енисейске, Зайсане, Туринске, Змеиногорске, Павлодаре, Новониколаевске, Усть-Каменогорске, Кольвани, Кузнецке, Мариинске, Томске, Ачинске, Канинске, Барнауле, Семипалатинске, Тобольске, Татарске, Бийске, Минусинске, Красноярске, Акмолинске, Акше, Березове, Каркаралинске, Сургуте и Троицкосавске. В Якутске выборы должны были состояться в сентябре, так как из-за отдаленности политические процессы здесь имели специфический сдвиг по шкале времени. До осени откладывали голосование в Тайге и Барабинске.

Своеобразно решался вопрос о выборах в Омске. Изначально городская управа запросила МВД об отсрочке выборов на неопределенный срок. Из министерства ответили решительным отказом. Управа подчинилась, но назначила выборы только на 11 сентября. В разгар подготовки к голосованию Совет старейшин думы предложил гласным перенести выборы на ноябрь. Против переноса проголосовали 13 чел., надеявшихся «расшевелить население выборами и вывести его из панического состояния»². Поддержали предложение старейшин 16 чел., считавших, что «выборы должны происходить в спокойной обстановке, а не в момент, когда от населения требуется напряжение всех сил на помощь армии»³. В результате выборы в Омскую думу были назначены на 16 ноября, готовились к их проведению в обстановке экстренной эвакуации населения, но выборы не состоялись из-за вступления в город Красной армии.

Не удалось установить, что происходило вокруг выборов в трех городах Акмолинской области – Атбасаре, Кокчетаве и Тюкалинске; малонаселенных северных городах – Туруханске, Верхоянске, Вилуйске, Алексинске и Среднеколымске, а также в бурятских Селенгинске и Мысовске.

Итак, электоральный процесс был запущен в 52 городах Сибири. При этом Иркутская губерния ока-

¹ Новые правила для производства выбора гласных городских дум. Омск, 1919. 24 с.

² Наша заря (Омск). 1919. 10 авг.

³ Там же.

залась единственной, где выборы были назначены во всех городах, кроме претерпевавшего административно-территориальные преобразования Черемхово. Акмолинская область, напротив, поставила рекорд по уклонению городских управ от организации выборов. В целом Восточная Сибирь обошла Западную на старте электоральной кампании. Объясняется это тем, что в ряде городов Западной Сибири, в том числе в Барнауле, Омске и Тобольске внеочередные выборы прошли летом – осенью 1918 г. и состав гласных был адекватен условиям контрреволюции.

Организация выборов началась с составления списков избирателей. Правом голоса пользовались граждане обоюбого пола всех национальностей и вероисповеданий, достигшие 21 года и проживавшие (либо имевшие домашнее обзаведение или работу) в городе не менее года. В выборах не участвовали высшие представители административной власти, военнослужащие, милиционеры, монашествующие, душевнобольные, глухонемые, самогонщики, дезертиры, взяточники, казнокрады, ростовщики, мошенники, банкроты и лица, содержащиеся под стражей или отбывшие наказание по постановлениям следственных комиссий за противогосударственную деятельность⁴.

По сравнению с предшествовавшими выборами был повышен на год возраст избирателей, исключены из электората военнослужащие, беженцы и потенциальные противники колчаковского режима. Ограничения отсекали «временное и беспокойное» население, обеспечив волеизъявление типичного сибирского горожанина, заинтересованного в благополучии своего места жительства.

Согласно спискам городских управ, в 1919 г. правом голоса обладали около 430 тыс. чел. Это приблизительно на треть меньше по сравнению с выборами 1917 г. [12, с. 96–98, 100]. Основной причиной сокращения числа избирателей было отсечение голосов военнослужащих, тогда как в условиях Февральской революции многотысячные тыловые гарнизоны участвовали в выборах [13, с. 216]. Ценз оседлости существенно ограничил участие в выборах рабочих, которые не могли преодолеть его из-за сезонных миграций⁵. Массы мобилизованных молодых мужчин и беженцы не получили права голоса. В результате реформы городской электорат оказался дистиллирован от реалий гражданской войны.

Требования к кандидатам отличались более высоким возрастным барьером, составлявшим 25 лет, при этом ценз оседлости отсутствовал – баллотироваться можно было в любом городе. Для выдвижения необходимо было заручиться подписями избирателей в количестве, не меньшем числа мандатов, т.е. всего от 20 до 80 – в зависимости от количества избирателей в конкретном городе.

ПРЕДВЫБОРНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ

О том, кто выдвигал кандидатов в городские самоуправления, можно судить по названиям опубликованных списков. Участники выборов определяли себя как: домовладельцы (28), торгово-промышленники и деловые группы (15), профсоюзы (13), квартираниматели (8), кооперативы (8), служащие (8), мещане (7), церковно-приходские советы (7), мусульмане (6), беспартийные группы (5), интеллигенция (5), казаки (4), трудовые группы (3), евреи (3), кадеты (3), социал-демократы (3), эсеры (3), социалисты (2), рабочие (2), Союз возрождения России (2), торговцы (2), увечные воины (2), энесы (2), извозчики, народно-республиканская группа, поляки, Союз сибиряков-областников и старообрядцы. При этом пятая часть списков не имели названий.

Наиболее активными и заинтересованными участниками выборов оказались «домовладельцы». Обобщенный образ представителей этой группы как «буржуазии», «цензовиков», «старых хозяев городского сундука», малочисленной группы состоятельных консервативных горожан существовал в сознании их политических оппонентов⁶. Однако вопрос о том, насколько он соотносился с социальной и политической реальностью, остается открытым.

Только Томский и Курганский союзы домовладельцев однозначно отстаивали на выборах интересы крупных собственников, биржевиков, коммерсантов и заводовладельцев. В Славгороде, Бодайбо, Тюмени, Туринске и Минусинске домовладельцы, напротив, конкурировали с торгово-промышленниками. В Чите с Союзом домовладельцев на выборах соперничал список «мелких домовладельцев и арендаторов». В Павлодаре были одновременно выставлены списки домовладельцев-купцов и домовладельцев-мелких торговцев. Боготольскими домовладельцами являлись крестьяне с городских выселков. Барнаульский блок домовладельцев, торгово-промышленников и беспартийной интеллигенции заявлял, что выражает интересы самых разных слоев городского населения – от банкиров до земледельцев. Из 60 его кандидатов только 15 сдавали квартиры внаем, ни для одного из них домовладение не являлось источником существования⁷. То есть под именем «домовладельцы» скрывались разные группы населения, объединенные относительно устойчивыми связями с местом проживания.

Домовладельцы, как правило, избегали публичной демонстрации своих политических настроений и позиций. Определить их идейно-политический статус возможно только по косвенным свидетельствам. Кандидаты от Иркутского союза домовладельцев, по мнению их оппонентов, были носителями политического радикализма – от ярко монархического до боль-

⁴ Новые правила... С. 2, 3.

⁵ Сибирский рабочий (Иркутск). 1919. 9 марта, 6 апр.

⁶ Сибирская жизнь (Томск). 1919. 11 июля; Алтайский край (Бийск). 1919. 27 июля; Новое земское дело (Красноярск). 1919. № 26/27. С. 17; и др.

⁷ Речь Алтая (Барнаул). 1919. 15 июля.

шевистского толка⁸. Бийским домовладельцам досталась жесткая критика как недалеких, грубых и наглых ретроградов: «Санитария по боку <...> Образование только для видимости <...> Бедные для того и бедные, чтобы им плохо жилось»⁹. Союз домовладельцев в Чите доказывал разумность системы, при которой богатые люди управляют городом¹⁰. Вместе с тем, в Барнауле и Красноярске домовладельцы блокировались с кадетами и подписались под прогрессивными муниципальными программами. Объединять таких разных домовладельцев могли реваншистские настроения имущих после дискриминаций, пережитых во время советской власти.

По политическим настроениям к домовладельцам тесно примыкали торгово-промышленники и деловые группы. В крупных городах, где у них был общий сильный соперник, торгово-промышленники выступали в союзе с домовладельцами. В городах с низкой конкуренцией – Славгород, Тара, Бодайбо, Туринск и Минусинск – деловые группы выставили собственные списки кандидатов.

Активно участвовали в выборах профсоюзы. В 1919 г. они сохраняли высокий авторитет и значительный организационный потенциал в рабочей среде, оказывали влияние на социально-трудовые отношения и были двигателем мощного протестного движения [14, с. 73–74]. В Ишиме, Кургане, Верхнеудинске, Боготле и Тюмени профсоюзы выставили самостоятельные списки кандидатов. В Иркутске, Чите, Новониколаевске, Томске, Барнауле, Красноярске, Тобольске и Омске они выступали локомотивами демократических или социалистических блоков.

Электоральной базой профсоюзов было преимущественно население городских окраин и рабочих предместий. Однако в агитационно-пропагандистской лексике они предпочитали использовать термины «широкие народные массы» и «демократия», которые подразумевали всех горожан, кроме «богачей» и «буржуев». Профсоюзы выдвигали популистские муниципальные программы. Только в Иркутске и Красноярске профсоюзы солидаризовались с социалистической оппозицией Российскому правительству.

Политические партии, непререкаемые участники и главные бенефициары выборов в 1917 г., продолжали борьбу только в Иркутске, Чите, Новониколаевске, Барнауле, Тобольске и Красноярске. Причем ни одна партийная организация в Сибири не выступила самостоятельно, непременно в блоках с разного рода общественными организациями. Даже кадеты, считавшиеся идеологической опорой политического режима, на муниципальном уровне выглядели такими же слабыми, разобщенными и непопулярными, как преследуемые властью социалисты, переживавшие идейный разброд, распад партийных организаций, полуправильное и нелегальное существование [15, с. 91].

Заметными участниками выборов были «квартиронаниматели». Их объединяла программа одного пункта – доступные цены на жилье. Внятных социальных границ или единой политической окраски движение квартиронанимателей не имело, а в предвыборной агитации оно обращалось к «широким народным массам». Социалисты называли квартиронанимателей «болотом», а их организаторов считали конъюнктурщиками¹¹. Тем не менее квартирный вопрос сыграл ключевую роль в двух самых массовых муниципальных выборных кампаниях, состоявшихся в Иркутске и Томске.

Участие в выборах приняли также кооперативы, отдельные группы служащих и мещан, конфессиональные и национальные организации. Они выступали в основном в электоральных блоках. Самостоятельную роль сыграли только татары и киргизы в Павлодаре, Каркаралинске, Акмолинске, Петропавловске и Зайсане¹².

Итак, основными организованными участниками выборов были преимущественно такие социальные группы горожан, как домовладельцы, торгово-промышленники, рабочие, квартиронаниматели, служащие, мещане, торговцы и ремесленники. Политические институты оказались на второстепенных позициях.

В каждом городе на выборах конкурировало, как правило, два-три кандидатских списка. Максимальное количество – шесть списков – было выставлено в Чите и Тобольске. Не было соперничества в Татарске и Якутске. Общими тенденциями выборов являлись блокирование и концентрация усилий. Снижение политической фрагментации было в значительной мере следствием реформы избирательной системы. Принцип большинства, «открытые списки» и многомандатные округа не оставляли шансов аутсайдерам и радикалам. Поэтому участники электорального процесса создавали громоздкие объединения и выдвигали популярных кандидатов, нередко поступаясь принципами и политическими позициями.

Наиболее массовые и содержательные избирательные кампании прошли в Иркутске, Томске и Барнауле. Причем в административных центрах Алтайской и Иркутской губерний велась системная идейно-политическая борьба, а в Томске конкурировали списки, составленные на основе прагматичных договоренностей. Соперники, как правило, активно использовали печатную и устную агитацию. Для победы на выборах участники формулировали в общих чертах картину благополучного будущего – спасенный от разрухи и голода сибирский город, усердно тиражировали конфронтационные стереотипы «социалистов-демагогов» или «цензовиков-хапистов».

ГОЛОСОВАНИЕ И ИТОГИ ВЫБОРОВ

Одной из основных задач предвыборной агитации являлось объяснение избирателям нового порядка голосования. Проголосовать можно было либо за один из опубликованных списков кандидатов целиком, либо составить свой список, включив в него выдвинутых по округу кандидатов.

⁸ Свободный край (Иркутск). 1919. 25 мая.

⁹ Алтайский край (Бийск). 1919. 22 июня.

¹⁰ Русский Восток (Чита). 1919. 31 мая.

¹¹ Новое земское дело (Красноярск). 1919. № 26/27. С. 17.

¹² Правительственный вестник (Омск). 1919. 17 сент.

Правила предлагали несколько вариантов составления избирательных записок. Основной вариант – самостоятельное заполнение чистого бланка, выданного городской избирательной комиссией, – обязывал избирателя написать или напечатать на машинке фамилии, имена и отчества выбранных им кандидатов. При этом важно было правильно определить свой округ, избежать аббревиатур, исправлений, зачеркиваний, подчисток и ни в коем случае не ставить свою подпись на записке. Такой вариант подходил для образованных и ответственных избирателей, заранее позаботившихся о голосовании. Дополнительный вариант разрешал избирателю воспользоваться готовыми списками, распространяемыми кандидатами в гласные. В них нельзя было вычеркивать или вписывать фамилии. Такое участие было доступно неграмотным горожанам, но также подразумевало предварительную готовность и доверие к кандида-

там. Сложности нового порядка служили барьером для спонтанного голосования.

С 27 апреля по 31 августа почти в каждый воскресный день, а также в некоторые праздничные дни проходили выборы. Пик интенсивности электорального процесса пришелся на 1 июня. В этот день выбрали гласных по меньшей мере в девяти городах. Со второй половины июля выборная кампания пошла на спад. В августе она завершалась с заметными сдвигами, в Семипалатинске и Тобольске выборы не состоялись, а омичи перенесли дату выборов. В сентябре голосование прошло только в Якутске. Последние выборы состоялись 16 ноября в Новониколаевске во время крушения антибольшевистского фронта, за три дня до приезда в город Верховного правителя А.В. Колчака.

С конца апреля до середины ноября 1919 г. выборы прошли в 47 городах Сибири, причем в Иркутске, Новониколаевске и Боготоле – дважды (таблица).

Городские выборы в Сибири в 1919 г.
City elections in Siberia in 1919

Дата выборов Election date	Город City	Кол-во избирателей, чел. Number of voters	Явка		
			кол-во чел. Number of persons	%	
1	2	3	4	5	
Апрель, 27	Зима	Около 2000	Около 260	13,0	
	Ишим	Около 3000	1209	Около 40,0	
	Киренск	Около 1000	Около 500	Около 50,0	
	Славгород	2227	379	17,0	
Май, 6	Верхоленск	Около 450	Около 250	Около 56,0	
Май, 11	Илимск	Около 500	–	–	
	Тара	4272	541	12,7	
	Балаганск	Около 1000	Около 120	12,0	
Май, 18	Курган	8502	1851	21,8	
	Шадринск	6700	1819	27,1	
	Верхнеудинск	9124	618	6,8	
Май, 25	Иркутск*	42294	9667	22,8	
	Ялуторовск	Около 1500	578	Около 38,0	
	Боготол*	2676	351	13,1	
Май, 29	Баргузин	785	414	52,7	
	Бодайбо	Около 1000	Около 200	Более 10,0	
	Камень	6176	451	7,3	
	Канск	3982	905	22,7	
	Нерчинск	2309	473	20,5	
	Нижнеудинск	Около 5000	Около 530	Около 10,0	
	Петропавловск	15 602	1240	7,9	
	Тюмень	18 060	3468	19,2	
	Чита	14 531	2184	15,0	
	Июнь, 15	Енисейск	3802	1078	28,3
		Зайсан	Около 3000	–	Более 10,0
Июнь, 22	Туринск	1252	352	28,1	
	Змеиногорск	3667	405	11,0	
	Павлодар	3581	529	14,7	

Окончание таблицы

1	2	3	4	5
Июнь, 29	Новониколаевск*	24 386	5354	21,9
	Усть-Каменогорск	Около 6000	Около 1400	Около 23,0
Июль, 6	Колывань	3931	168	4,3
	Кузнецк**	Около 2000	–	–
	Маринск	5905	378	6,4
Июль, 13	Томск	48 301	11 558	23,9
Июль, 20	Ачинск	3902	1281	32,8
	Каинск	Около 2800	–	Более 10,0
Июль, 27	Барнаул	25 467	2604	10,2
	Семипалатинск**	17 071	–	–
Август, 3	Боготол	2676	421	15,7
	Иркутск	42 294	8576	20,3
	Тобольск**	9462	–	–
Август, 10	Татарск	Около 3000	Около 500	Около 16,0
Август, 19	Бийск	15 336	849	5,5
Август, 19	Минусинск	5088	787	15,5
Август, 31	Красноярск	33 153	2623	7,9
Лето	Акмолинск	Около 3500	–	Более 10,0
	Акша	Около 1500	–	Более 10,0
	Березов	Около 300	–	Более 10,0
	Каркаралинск	Около 2000	–	Менее 10,0
	Сургут	Около 1000	–	Более 10,0
	Троицкосавск	Около 4900	–	Менее 10,0
	Нарым**	Около 500	–	–
Сентябрь, 7	Якутск	Около 2700	82	Около 3,0
Ноябрь, 16	Омск**	45 078	–	–
	Новониколаевск	24 386	–	–

* Результаты выборов отменены судом

** Выборы не состоялись

Составлено по: Государственный архив Иркутской области. Ф. Р–2. Оп. 1. Д. 81. Л. 26; ГАРФ. Ф. Р–141. Оп. 11. Д. 14. Л. 6; Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р–141. Оп. 1. Д. 14. Л. 6; Ф. Р–1700. Оп. 7. Д. 44. Л. 9–11; Ишимская жизнь. 1919. 26, 29 апр.; Единство (Петропавловск). 1919. 1 мая; Наше дело (Иркутск). 1919. 4, 24 мая, 6, 11, 15 июня, 8, 21, 28 авг.; Правительственный вестн. (Омск). 1919. 6, 8, 10, 15, 18, 24, 29, 31 мая, 7, 8, 11, 18 июня; 6, 8 июля, 2, 14, 24 авг., 17 сент.; Друг народа (Славгород). 1919. 8 мая; Каменная мысль. 1919. 18 мая; Приишимье (Петропавловск). 1919. 18 мая, 8 июня и 4 июля; Канский вестник. 1919. 20 мая, 5 июня; Курганская свободная мысль. 1919. 20 мая; Новое слово (Семипалатинск). 1919. 21, 24 мая; Прибайкальская жизнь (Верхнеудинск). 1919. 24, 29 мая, 1 июня; Наша заря (Омск). 1919. 25 мая, 29 июля; Ялutorовская жизнь. 1919. 28 мая; Заря (Омск). 1919. 1 июня; Забайкальская новь (Чита). 1919. 5 июня; Енисейский вестник (Красноярск). 1919. 12, 13 июня, 8, 19, 30 июля; Наша деревня (Иркутск). 1919. 13 июня; Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 14 июня, 14 авг., 5 сент.; Вестн. Томской губернии. 1919. 16, 30 июня, 2, 7, 18, 21, 23 июля; Барабинская степь (Каинск). 1919. 19 июня; Земля и труд (Курган). 1919. 21 июня; Сибирская жизнь (Томск). 1919. 28 июня, 4, 5, 18, 19 июля, 26 авг.; Алтайская мысль (Барнаул). 1919. 2 июля; Русская речь (Новониколаевск). 1919. 2 июля; Минусинский край. 1919. 19 июля, 19, 23 авг.; Ачинский край. 1919. 24 июля; Речь Алтая (Барнаул). 1919. 27, 31 июля; Алтайский вестн. (Барнаул). 1919. 29 июля; Алтай (Бийск). 1919. 17, 22 авг.; Алтайский край (Бийск). 1919. 22 авг.; Сибирская речь (Омск). 1919. 28 окт.; Якутские областные ведомости. 1919. 18 сент. Новое земское дело (Красноярск). 1919. № 26/27. С. 16–17; Выборы на Новосибирской земле. 1893–2013 г. / отв. ред. А.А. Макаревич. Новосибирск, 2013. С. 22–37; Звягин С.П. Кузбасс в годы гражданской войны. Омск, 2007. С. 38; Насибуллин С.А. К истории городского самоуправления в Чите в 1875–1921 годах // Гуманитарный вектор. 2009. № 3. С. 101; Дробченко В.А. Органы местного самоуправления в Томской губернии в период гражданской войны (1918–1919 гг.) // Вестн. Кем. гос. ун–та. 2015. № 2 (62) Т. 6. С. 241–247; Дементьев А.П. Избирательная кампания 1919 года в городские думы Енисейской губернии: подготовка, ход и итоги // Изв. лаборатории древних технологий. 2019. № 3 (32). С. 190–199.

Доля проголосовавших варьировалась от 3,0 до 56,0 %. Самая низкая явка наблюдалась в Якутске, Колывани и Бийске. Рекордсменами оказались Верхоленск, Баргузин и Киренск. Относительно более высокая явка была характерна для выборов в малых городах Восточной Сибири в апреле – июне, а низкая чаще фиксировалась в Западной Сибири в июле – августе. То

есть избиратели тем охотнее участвовали в выборах, чем дальше они находились от фронта. Однако эта тенденция не являлась всеобъемлющей.

Уровень электоральной активности был тесно связан с социальными, экономическими и политическими условиями, сложившимися в каждом конкретном городе к дате выборов. Тем не менее для исследования

важной представляется средняя явка. В современной историографии утверждается, что на избирательные участки на востоке России в 1919 г. явилось не более 7–10 % избирателей [7, с. 139; 11, с. 195]. Однако эту цифру невозможно проверить из-за отсутствия информации о том, на основе каких источников и каким образом проводился подсчет.

Современники событий, основываясь на прозрачной доказательной базе, приводили другие цифры. В аналитической записке городского отдела МВД Российского правительства, составленной на основе данных о выборах в 36 уездных и безуездных городах Урала и Сибири за июль–август¹³, зафиксирован средний уровень явки в 21,7 %. В статье о выборах в 22 городах Урала, Сибири и Дальнего Востока, опубликованной в журнале «Новое земское дело», автор среднюю явку определил в 17,4 %¹⁴. Оба источника можно заподозрить в ангажированности – правительство было заинтересовано в завышении статистики, а оппозиционный публицист, напротив, мог занижить цифру.

Более полные сведения о состоявшихся выборах по 38 городам Сибири за апрель–ноябрь, включая административные центры губерний и областей, позволяют уточнить приведенную информацию. Из 345 тыс. избирателей в голосовании приняло участие около 60 тыс. чел. (таблица). То есть явка на городских выборах в среднем составила около 17,0 %. Этот подсчет не является окончательным из-за разночтений и пробелов в источниковой базе. Тем не менее его можно признать близким к достоверному.

Для современников событий, помнивших небывалый ажиотаж на выборах в революционном 1917 г., поведение избирателей в 1919 г. казалось катастрофическим абсентеизмом и полной пассивностью. Вместе с тем отдельные суждения и факты ставили под сомнение общее мнение. Во-первых, базовый городской электорат участвовал в выборах 1917–1919 гг. в равной степени интенсивно, а отсеялась лишь солдатская масса¹⁵ и городские окраины¹⁶. Во-вторых, своеобразным психологическим рубежом был 10%-ный барьер, преодоление которого считалось хорошим показателем¹⁷. Томские выборы, например, с явкой в 23,9 % наблюдатели описывали как оживленные: «Во всех избирательных участках тянулись огромные "хвосты" избирателей всех классов и сословий в продолжении целого дня. В пятом и четвертом участках очереди ждало около 500 человек»¹⁸. В Енисейске явка составила 28,3 %. Так как город находился на осадном положении, этот процент был оценен как «достаточный»¹⁹.

В конечном итоге низкая явка не препятствовала признанию выборов состоявшимися, а их результа-

тов – легитимными. Низкая явка горожан на выборах была проявлением политической апатии и индифферентизма²⁰, связанных с общим признанием второстепенности муниципальных выборов, не решающих ключевых политических вопросов. Политический бойкот был зафиксирован только в Николаевской слободе Красноярска²¹.

Оценка абсентеизма на муниципальных выборах как проявления массового протеста населения против политического режима А.В. Колчака [3, с. 252] не находит прямых подтверждений в источниках. Более того, научно установлено, что явка на выборах в принципе мало зависит от характера политического режима [16, с. 319].

После голосования избирательные комиссии подсчитывали результаты и составляли новые списки гласных в рейтинговом порядке. Избранными считались кандидаты, набравшие не менее десятой части от поданных голосов. Во всех городах, кроме Змеиногорска, удалось избрать требуемое число гласных.

Результаты выборов современники событий оценивали как победу домовладельцев. Городской отдел МВД Российского правительства зафиксировал 28 дум с домовладельческим большинством, 17 дум с преобладанием «беспартийных», пять социалистических, две «цензовых» и одну кадетскую²². Земские деятели пришли к схожему выводу, отметив, что «хозяевами городского сундука оказались домовладельцы», львиную долю голосов получило «болото», а демократия осталась в меньшинстве²³.

Такие результаты корреспондируются с фактом активного участия в выборах домовладельцев и других групп, объединенных по различным социальным признакам. Этот результат логично трактовать как торжество политической нейтральности [5, с. 64]. «Левые» потеряли свои позиции в большинстве городских дум [3, с. 252]. Однако вопрос о доминировании «правых элементов» требует дополнительных изысканий.

Оценка выборов с точки зрения соблюдения законности встречала отдельные протесты и критические суждения. Самыми существенными из них были указания на вмешательство военных. В Иркутске военная цензура чистила предвыборные издания социалистического блока, пропуская информацию того же толка в либеральной газете²⁴. В Барнауле политические аресты городского головы В.И. Николаева и его помощника И.Д. Румянцева нарушили предвыборную кампанию социалистов²⁵. В Красноярске военные наложили запрет на выпуск предвыборной газеты демократических и профессиональных организаций и запретили предвыборное собрание в рабочем пред-

¹³ Правительственный вестник (Омск). 1919. 17 сент.

¹⁴ Новое земское дело (Красноярск). 1919. № 26/27. С. 16.

¹⁵ Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 3 сент.

¹⁶ Наше дело (Иркутск). 1919. 6 июня.

¹⁷ Правительственный вестн. (Омск). 1919. 17 сент.

¹⁸ Вестн. Томской губернии. 1919. 16 июля.

¹⁹ Сибирская жизнь (Томск). 1919. 4 июля.

²⁰ Алтайский край (Бийск). 1919. 25 июля; Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 5 сент.; Русь (Омск). 1919. 29 окт.; и др.

²¹ Новое земское дело (Красноярск). 1919. № 26/27. С. 18.

²² Правительственный вестн. 1919. 17 сент.

²³ Новое земское дело (Красноярск). 1919. № 26/27. С. 17.

²⁴ Свободный край (Иркутск). 1919. 22 мая.

²⁵ Алтайская мысль (Барнаул). 1919. 10 мая.

местье города²⁶. В Минусинске и Якутске из-за осадного положения проведение предвыборных собраний необходимо было согласовываться с военными²⁷. При этом действия военных не помешали победе социалистов на выборах в Иркутске, Барнауле и Минусинске, а в Красноярске являлись не первопричиной, а последним толчком к провалу демократического блока.

Сами городские управы, организовывавшие выборы, были заподозрены в махинациях в Новониколаевске и Кургане. В Новониколаевске социалистическая городская управа затягивала сообщения о победе на выборах делового списка, а затем потеряла выборное делопроизводство²⁸. Курганская дума пыталась так организовать выборы, чтобы остаться на следующий срок²⁹.

Официальные жалобы и протесты на нарушение процедур голосования были поданы в суд по поводу выборов в Иркутске, Боготоле, Новониколаевске, Красноярске, Барнауле и других городах. Основным их поводом служило нарушение тайны голосования из-за подачи избирательных записок, напечатанных на бумаге разного качества и размера. В результате судебных разбирательств в Иркутске и Боготоле выборы были касированы и назначены новые.

Публичное обсуждение хода и итогов выборов, а также судебные разбирательства подтверждают, что электоральные кампании проходили гласно и конкурентно. В абсолютном большинстве сибирских городов результаты выборов были утверждены, состав городских дум оказался обновлен законным демократичным путем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Муниципальная электоральная кампания в Сибири длилась с начала февраля до середины ноября 1919 г. То есть выборный процесс был запущен в период успехов антибольшевистского авторитарного политического режима и продолжался до его перехода в терминальную стадию, когда начал рушиться фронт. Выборы прошли в 47 городах края, охватив подавляющее большинство административных центров губерний, областей и уездов. В них приняли активное участие укорененные слои городского населения Сибири, а массовые группы мобилизованных солдат и офицеров, беженцы и сезонные рабочие не были допущены к голосованию. Явка избирателей на выборах составила в среднем около 17,0 %. Этот уровень считался низким, но достаточным для признания выборов состоявшимися. По итогам голосования преимущество в городских думах получили неполитические группы и организации.

Вопреки условиям гражданской войны и военной диктатуры на муниципальном уровне были реа-

лизованы всеобщие, равные, тайные, прямые, конкурентные выборы на основе системы одобрительного голосования по многомандатным округам. Они обеспечили волеизъявление горожан и смену состава органов самоуправления. Однако успех продуманной электоральной политики был обесценен запоздалостью ее реализации. Развертывание полноценного института демократических выборов, пусть и ограниченного муниципальным уровнем, противоречило решению первоочередных задач по организации населения и экономики в соответствии с обстановкой военного времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.): сб. док. / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2016. Т. 1. 748 с.
2. *Иоффе Г.З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. 294 с.
3. *Добровольский А.В.* К вопросу о выборах в городские самоуправления Сибири в 1919 году и провал тактики блока демократических сил // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX в.: мат-лы регион. науч. конф. Новосибирск, 1998. С. 249–253.
4. *Дмитриенко Н.М.* Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск, 2000. 284 с.
5. *Мышанский А.А.* Органы местного самоуправления Сибири в период гражданской войны (июнь 1919 – январь 1920 г.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. 239 с.
6. *Чемакин А.А.* Лебединая песня «черной сотни»: «Христианский трудовой блок» и выборы в Одесскую городскую думу 1 декабря 1919 года // Вопросы национализма. 2010. № 2(26). С. 58–94.
7. *Рынков В.М.* Органы местного самоуправления в антибольшевистском лагере на востоке России (середина 1918 – конец 1922 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны / научный ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2012. С. 125–158.
8. *Баяндин В.И.* Новониколаевск в годы социальных трансформаций: выборные кампании 1917–1919 гг. // Выборы на Новосибирской земле. 1893–2013 гг. / отв. ред. А.А. Макарец. Новосибирск, 2013. С. 22–37.
9. *Дробченко В.А.* Органы местного самоуправления в Томской губернии в период гражданской войны (1918–1919 гг.) // Вестн. Кем. гос. ун-та. 2015. № 2 (62) Т. 6. С. 241–247.
10. *Дементьев А.П.* Выборы 1919 г. в городские думы Енисейской губернии // Россия – Сибирь – Красноярский край: сб. мат. VIII краевед. чтений. Красноярск, 2017. С. 159–176.
11. *Дементьев А.П.* Избирательная кампания 1919 года в городские думы Енисейской губернии: подготовка, ход и итоги // Изв. лаборатории древних технологий. 2019. № 3 (32). С. 190–199.
12. *Чудаков О.В.* Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 г.). Омск, 2013. 422 с.
13. *Ларьков Н.С.* Начало гражданской войны в Сибири. Армия и борьба за власть. Томск, 1995. 252 с.
14. *Рынков В.М.* Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.). Новосибирск, 2008. 440 с.
15. *Шишкин В.И.* «Левый дрейф» социалистов Сибири накануне и после разгрома А.В. Колчака (конец 1919 – начало 1920 г.) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 8. С. 90–106.
16. *Голосов Г.В.* Сравнительная политология. СПб., 2018. 462 с.

²⁶ Новое земское дело (Красноярск). 1919. № 26/27. С. 18.

²⁷ Якутские областные ведомости. 1919, 24 авг.; Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 5 сент.

²⁸ Русская речь (Новониколаевск). 1919. 8 июля.

²⁹ Курганская свободная мысль. 1919. 11 апр.

REFERENCES

1. Shishkin V.I. (ed.) The Council of Ministers of the Russian Government: logs of meetings (November 18, 1918 – January 3, 1920): documents' collection. Novosibirsk, 2016, vol. 1, 748 p. (In Russ.)
2. Ioffe G.Z. Kolchak's gamble and its collapse. Moscow, 1983, 294 p. (In Russ.)
3. Dobrovol'skii A.V. On the issue of elections to the municipal self-government of Siberia in 1919 and the tactics failure of the democratic forces block. *Problemy istorii mestnogo upravleniya Sibiri kontsa XVI–XX v.: materialy region. nauch. konf.* Novosibirsk, 1998, pp. 249–252. (In Russ.)
4. Dmitrienko N.M. Tomsk, a Siberian city, in the XIX – the first third of XX centuries: management, economy, population. Tomsk, 2000, 284 p. (In Russ.)
5. Myshanskiy A.A. Self-government in Siberia during the Civil War: June 1918 – January 1920: dissertation. Omsk, 2004, 239 p. (In Russ.)
6. Chemakin A.A. The song “Black Hundred”: “the Christian labor bloc” and Odessa municipal дума elections on December 1, 1919. *Voprosy natsionalizma*, 2010, no. 2, pp. 58–94. (In Russ.)
7. Rynkov V.M. Local self-government in anti-Bolshevik camp in the east of Russia (middle of 1918 – end of 1922). *Politicheskiye sistemy i rezhimy na vostoке Rossii v period revolyutsii i grazhdanskoй voyny.* Novosibirsk, 2012, pp. 125–158. (In Russ.)
8. Bayandin V.I. Novonikolaevsk during the period of social transformations: election campaigns of 1917–1919. *Vybory na novosibirskoy zemle. 1893–2013 gg.* Novosibirsk, 2013, pp. 22–37. (In Russ.)
9. Drobchenko V.A. Local governments in the Tomsk Region during the Civil War (1918–1919). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 2–6, pp. 241–247. (In Russ.)
10. Dement'ev A.P. The municipal дума elections in the Yeniseysk Region (1919). *Rossiya – Sibir' – Krasnoyarskiy kray: sb. materialov VIII krayeved. chteniy.* Krasnoyarsk, 2017, pp. 159–176. (In Russ.)
11. Dement'ev A.P. The municipal дума election campaign in the Yeniseysk Region: preparation, running and results. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy*, 2019, no. 3, pp. 190–199. (In Russ.)
12. Chudakov O.V. Municipal self-government in Siberia during the First World War and the period of social disasters (July 1914 –early 1918). Omsk, 2013, 422 p. (In Russ.)
13. Lar'kov N.S. The beginning of the Civil War in Siberia. Army and power struggle. Tomsk, 1995, 252 p. (In Russ.)
14. Rynkov V.M. The social policy of anti-Bolshevik regimes in the east of Russia (second half of 1918 – 1919). Novosibirsk, 2008, 440 p. (In Russ.)
15. Shishkin V.I. “Left drift” of socialists in Siberia before and after the defeat of Kolchak (late 1919 – early 1920). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2018, vol. 17, no. 8, pp. 90–106. (In Russ.)
16. Golosov G.V. Comparative political science. Saint-Petersburg, 2018, 462 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.02.2020

Дата рецензирования 24.02.2020

Статья принята к публикации 26.03.2020